

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. Э. БАЗЕЛЛ

МАРГИНАЛЬНЫЕ ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ

Поиски решения одной из спорных проблем древнеанглийской фонологии привели меня к осознанию необходимости введения такого понятия, как «маргинальный звуковой закон». Поэтому именно рассмотрение данной проблемы представляется наилучшим способом раскрытия предлагаемого понятия, причем мы не будем касаться всех, связанных с ней частных (а также привлекать материалы других языков), хотя и намерены вернуться к ним в дальнейшем.

Отправной точкой будет служить проблема так называемого «компенсирующего удлинения» кратких ударных гласных, связанного с выпадением *h* в позиции перед гласными, например, им. пад. *feorh* «жизнь; живое существо» — род. пад. *fēores* (<*feorhes*). Это общепризнанное удлинение гласных было подвергнуто сомнению в работе А. Смита¹, а также в грамматике Р. Квирка и К. Л. Рэна², в частности, на том основании, что в топониме *Walas* (<*Walhas*) «Уэлс» нет никаких следов удлинения. Однако отсутствие удлинения засвидетельствовано, конечно, и в современном топониме *Wales*, так как древнеанглийское *Wālas* дало бы в современном языке форму *Woles*.

Несколько позднее К. Диц³ выступил с утверждением, что имеется достаточное количество данных, свидетельствующих о наличии удлинения и в географических названиях.

Как же следует в таких случаях объяснять формы без удлинения? То, что такие формы существуют, является общепризнанным фактом. В Кентских псалмах, например, имеется форма *feore*, которая содержит краткий гласный, так как соответствующий долгий в кентском диалекте обозначался диграфом *io*. Но подобные формы объяснялись до настоящего времени действием аналогии. Ожидаемое удлинение засвидетельствовано в поэме «Беовульф»: *fēore beorgan* «жизнь защищать» (1293 стих), где метрика стиха гарантирует долготу гласного.

В подобных случаях представляется убедительным объяснение более поздней формы воздействием аналогии. Действительно, не прибегая к такому объяснению, мы были бы не в состоянии объяснить тот факт, что всюду, где исключается аналогия, отсутствуют и формы с кратким гласным. Так, слово *fīras* «мужи (поэт.); человечество» ни в одном из засвидетельствованных случаев употребления с достаточной определенностью не обнаруживает краткого гласного. Но такое объяснение неубедительно в случае с *Walas*. Для данного слова более обычной была форма мн. числа,

¹ A. H. Smith, English place-name elements, «English place-name society», 25, 1956, стр. 124.

² R. Quirk, C. L. Wrenn, An Old English grammar, London, 1957, § 189.

³ K. Dietz, Zur Vokalqualität ae. Wörter des Typus *W(e)alh* — *W(e)alas*, «Anglia», 88, 1970.

как и для всех названий народов (употребляемых также в дат. падеже для обозначения стран, населяемых этими народами); более того, очень многие из таких слов вообще не имели формы ед. числа (например, *Dene* «даны; страна данов»). Несмотря на существование формы ед. числа *Walk* для обозначения жителя Уэльса использовалось обычно сочетание *Wielisc mann*, что подтверждается и современным словом *Welshman*. Чем же тогда можно объяснить тот факт, что более редкая форма ед. числа оказала влияние на более употребительную форму мн. числа? Представляется возможным компромисс между традиционной точкой зрения, согласно которой гласные всегда удлинялись в таких позициях, и новейшей точкой зрения, что они никогда не подвергались удлинению.

Традиционная точка зрения представляется нам правильной в своей основе: нормальным звуковым изменением при выпадении *h* после *l* и *r* было компенсирующее удлинение гласного в предыдущем слоге. Данных в пользу этой точки зрения более чем достаточно: их можно найти в любой солидной исторической грамматике английского языка (например, в грамматиках К. Люйка⁴ и А. Кэмпбелла⁵).

Тем не менее существует проблема, которая остается не замеченной при традиционном подходе к рассматриваемому явлению: это упомянутая выше проблема *Walas*. Хотя данная проблема и не заслуживает того решительного пересмотра, которому ее подвергли А. Смит, Р. Квирк и К. Л. Рэн, ее нельзя вместе с тем так легко отбрасывать, как это делает К. Диц.

Можно сказать, что интерпретация Смита — Квирка — Рэна правильно описывает процесс маргинального звукового развития. Этот процесс не является регулярным звуковым изменением, поскольку все данные свидетельствуют против такого предположения. Но составляющие его исключения не следует относить лишь за счет аналогии. Как образования по аналогии они не могут быть полностью объяснены. Если же допустить, что существовали «маргинальные звуковые изменения», которые вызывались потенциальной аналогией, недостаточно сильной, чтобы воздействовать на парадигму в целом, тогда можно найти определенный смысл в обеих точках зрения, в противном случае исключаются друг друга.

Поскольку принято считать, что компромиссы практически лишены эмпирической ценности, следует подчеркнуть, что нашу точку зрения довольно легко опровергнуть, если она неверна. Подавляющее большинство образований по аналогии никак не могли быть интерпретированы как маргинальные звуковые изменения. Если бы подобные трудности возникли и в случае этих аналогий, к которым наше предложение не относится, тогда разработку нашей гипотезы можно было бы считать неоправданной. Конечно, можно найти несколько примеров такого рода, если исходить из общепринятых их толкований. Представляется, однако, что все эти толкования остаются при ближайшем их рассмотрении ошибочными. Большинство из них, действительно, уже были отвергнуты учеными, о которых идет речь.

Одним из примеров, обычно приводимых в учебных пособиях, является замена изъявительного наклонения сослагательным в среднеанглийских формах настоящего времени мн. числа. Так, полагают, что др.-англ. *bindaþ* «связывают», которое дало среднеанглийскую форму *bindeth*, было заменено в большинстве диалектов формой сослагательного наклонения *binden*. Поскольку здесь не могло быть и речи о звуковом изменении, ука-

⁴ К. L u i c k, *Historische Grammatik der englischen Sprache*, I, Leipzig, 1921, стр. 226.

⁵ A. C a m p b e l l, *Old English grammar*, Oxford, 1957, стр. 141.

занный факт рассматривается как поразительный пример, по всей видимости, немотивированной замены немаркированной категории маркированной (точнее говоря, формы, представляющей немаркированную категорию, формой, первоначально представляющей маркированную категорию). Если бы общепринятая интерпретация данного примера действительно была столь простой и очевидной, как обычно полагают, мы были бы вынуждены рассматривать его как убедительный аргумент против нашей гипотезы. Однако в действительности данная интерпретация является крайним упрощением. Возможно, ср.-англ. форма настоящего времени изъявительного наклонения мн. числа *binden* и восходит частично к старому сослагательному наклонению. Но она имеет и более важные источники. Среди них можно назвать форму изъявительного наклонения мн. числа так называемых претерито-презентных глаголов. Будучи весьма немногочисленными, эти глаголы отличались очень высокой частотностью. Их влияние стало сказываться уже в древнеанглийском, где исконная форма мн. числа от глагола «быть» — *sind* — была заменена формой *sindon* по образцу *magon* «могут», *sculon* «должны» и т. д. В среднеанглийском форма *schulen* (< *sculon*) привела, по-видимому, сначала к замене *willeth* «хотят» формой *willen*, а затем последовала общая замена окончания *-eth* окончанием *-en*. Формы прошедшего времени мн. числа на *-en* также играли в данном процессе свою роль, а оба эти фактора играли роль более существенную, чем сослагательное наклонение.

Данное положение подтверждается и соображением, которое обычно не принимают во внимание, а именно тем фактом, что среднеанглийское окончание *-eth* сохраняется в формах повелительного наклонения мн. числа вплоть до XIV в.: это все еще форма Чосера и Гауэра. В связи с тем, что претерито-презентные глаголы, как правило, не имели формы повелительного наклонения, легко объяснить, почему форма на *-en* не распространилась и на повелительное наклонение.

Таким образом, мы приходим к выводу, что предположение о замене изъявительного наклонения сослагательным не выдерживает критики. Конечно, это только один пример предполагаемой замены «немаркированной» формы «маркированной». Другими примерами обычно служили замены форм ед. числа формой мн. числа, формы настоящего времени формой прошедшего и т. д. В рассматриваемом ниже случае с существительными на *-en* имеет место замена формы им. или вин. падежа формой какого-либо из других падежей. Но это уже ярко выраженная аномалия, так как характерной особенностью падежной парадигмы является наличие в ней двух конкурирующих «немаркированных» форм — им. и вин. падежей. Им. падеж обычно рассматривается как немаркированный, но есть все основания считать немаркированным и вин. падеж. В связи с этим можно указать, например, на общие формы вин. падежа в таком романском языке, как французский, где латинский номинатив сохраняется лишь в нескольких именах существительных (например, *fils* «сын; мальчик»). Но когда оба эти падежа совпадают по форме, как в рассматриваемом типе склонения древнеанглийского языка, обобщение основы других падежей вызывает недоумение. Нам представляется, что данное явление можно объяснить, лишь исходя из предположения, что оно было обусловлено воздействием не только традиционной «аналогии», но и какого-либо другого фактора.

Рассмотренный выше пример, следовательно, нельзя использовать для опровержения нашей точки зрения, согласно которой в языке имеются процессы, занимающие промежуточное положение между чисто звуковыми изменениями и чистой аналогией. Нам неизвестен ни один пример, который был бы доводом против нашего построения. Конечно,

не исключено, что такие примеры существуют; более того, даже сомнительные примеры могут привести к некоторым модификациям той точки зрения, которая излагается здесь в самом упрощенном виде.

Обратимся теперь к другому вероятному случаю действия маргинального звукового закона. Общеизвестно, что западногерманское конечное *-an* представлено в древнеанглийском такой же формой: так, в инфинитиве др.-в.-нем. *-an* всегда соответствовало др.-сакс. *-an* и др.-англ. *-an*. Имеющиеся отклонения рассматриваются как обусловленные действием аналогии. Самым примечательным является то, что древневерхненемецким и древнесаксонским существительным, оканчивающимся в им. и вин. падежах на *-an*, в древнеанглийском противостоят существительные на *-en* (*-æn* в древнейших текстах); более того, не зафиксировано ни одного случая, где древнеанглийское существительное оканчивалось бы на *-an*. Так, древневерхненемецкому глаголу *magan* «быть в состоянии; мочь» соответствует идентичная форма в древнеанглийском, а этимологически тождественное существительное *magān* «сила, мощь» представлено в древнеанглийском как *mægen*. Точно так же существительные *Wōden* «Воден (древнегерманское божество)» и *ƿēoden* «вождь, король», прилагательные *orep* «открытый» и *āgen* «собственный» и многие другие всегда соответствуют древневерхненемецким (а иногда, в случае их отсутствия, готским) формам, оканчивающимся на *-an*. Как следует объяснять это явление? Объяснение подобных фактов действием аналогии представляется недостаточно убедительным. Такое объяснение находим в грамматике древнеанглийского языка А. Кэмпбелла (стр. 141), где за образец для изменений по аналогии приняты флективные формы. Действительно, во флективных формах создавались необходимые фонологические условия для перехода гласных заднего ряда в гласные переднего ряда, и этот процесс, по-видимому, распространялся по аналогии и на «нефлективные» формы (т. е. формы им. и вин. падежей). Но поскольку так называемые «флективные» формы (т. е. формы с явно выраженными окончаниями) употреблялись реже, возникает вопрос, почему они подчиняли себе другие формы. Пользуясь традиционными понятиями, невозможно ответить на этот вопрос.

Имеются определенные основания для предположения, что в нескольких существительных на *-en* гласный окончания восходит к флективным формам, где фонологически закономерны были гласные *-e-*, а не *-a-*. Примечательно, однако, что в древнеанглийском на *-en* оканчивались не несколько, не много, а практически все существительные, соответствующие существительным с конечным *-an* в других германских языках. Не зафиксировано ни одного древнеанглийского существительного с окончанием *-an*. Точно так же нет ни одного глагольного инфинитива, который не имел бы окончания *-an* (за исключением случаев, обусловленных позднейшими закономерностями, например, западносаксонским стяжением).

Действием аналогии можно объяснить спорадические изменения, но она не объясняет указанных закономерных соответствий. Однако звуковыми законами также невозможно объяснить, почему то или иное закономерное соответствие связано с грамматическим классом, а не с фонологической структурой слов.

Однако звуковой закон и аналогию, взятые вместе, можно использовать для объяснения необъяснимой иначе регулярности (в рамках одного грамматического класса) или нерегулярности фонологического правила (в словах, принадлежащих к разным грамматическим классам).

Необходимо подчеркнуть, что мы разделяем основной постулат о регулярных звуковых изменениях. Все историческое языкознание покоится на этом постулате, без него наша наука перестала бы быть наукой. Но

его следует, на наш взгляд, понимать не как утверждение некоей абсолютной закономерности, постоянной и неизменной при всех обстоятельствах, а как указание на определенные закономерности, лежащие в основе явлений, от которых мы иногда вынуждены отступать. Если мы отходим от нормы слишком часто, мы лишаемся основы для лингвистической аргументации; но если мы никогда не отходим от нормы, то мы рискуем некритически отнестись к традиционной интерпретации явлений.

К тому же отклонения, которые мы считаем возможными, никогда не являются случайными, они обусловлены такими же строгими правилами, как и правила, присущие звуковым законам. Маргинальные звуковые законы остаются, следовательно, звуковыми законами: границы их действия можно определить точно так же, как и границы основных фонетических законов, с той лишь разницей, что условия, в которых они действуют, связаны с морфологическими правилами и не являются поэтому чисто фонетическими.

Хотя выдвигаемая здесь точка зрения, по-видимому, никогда не была сформулирована эксплицитно, в чем-то сходные с ней положения можно найти в работах предшествующих лингвистов, посвященных рассмотрению частных проблем. Из них наибольшего внимания заслуживает положение, высказанное Ф. де Соссюром в его «Записках» (1878). Швейцарский ученый рассматривал вопросы, связанные с проблемой, которую теперь называют «ларингальной проблемой». Говоря о таких формах, как греч. *δοτός* (которая содержит в соответствии с общепринятой трактовкой, ларингальный с «окраской *ο*»), он пишет: «В отношении *ε* в слове *ἐτός* и *ο* в слове *δοτός* мы допускаем, что память (*le souvenir*) о сильных формах предопределяет в каждом случае направление, в котором идет развитие неопределенного гласного»⁶. Данное утверждение является, конечно, довольно туманным. Вместе с тем совершенно ясно, что де Соссюр не хочет связывать себя ни обычным звуковым законом, ни обычной аналогией. Слово *souvenir* свидетельствует о его колебаниях, но если учесть, что в то время не было сложившегося способа обозначения процесса, находящегося между звуковыми изменениями и аналогией, оно не так неудачно, как может показаться теперь. Если пользоваться современными терминами, сказанное де Соссюром можно интерпретировать следующим образом: шва (*la voyelle indéterminée*) имел три возможных пути развития в греческом языке. Результатом основного пути был звук *a*, но были и маргинальные процессы, приводившие к звукам *e* и *o*. Последние не были регулярными, но они регулярно имели место в случаях, когда их поддерживала какая-то другая форма в парадигме.

Некоторые из современных лингвистов, занимающихся ларингальной теорией, иногда также пользуются нечеткими формулировками, допускающими различные толкования. Так, О. Семереньи, относящийся к тем немногим ученым, которые признают существование лишь одного-единственного ларингального, пишет: «Что касается приводимой всеми триады *θητός*, *δοτός*, *στατός*, трудно отказаться от мысли, что на эти формы оказывали или могли оказывать воздействие формы с полной ступенью чередования *θη*, *δω*, *στᾶ*»⁷.

Но какова природа этого воздействия? Не представляет ли оно морфологическую аналогию традиционного типа? Принимая во внимание многочисленные нерегулярные формы, сохранившиеся в греческих диалектах,

⁶ «Récueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure», Genève, 1970, стр. 168.

⁷ O. Szemerényi, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 120.

кажется маловероятным, чтобы от фонологически закономерных форм не осталось никаких следов. Может быть, здесь мы имеем дело с морфологической обусловленностью выбора чередующихся звуковых изменений?

Интерпретация Семереньи, по-видимому, оставляет открытыми обе эти возможности. Но убедительность его точки зрения, согласно которой в индоевропейском существовал лишь один ларингальный, зависит, вероятно, от того, какую из указанных возможностей он выбирает. Если он полагает, что наличие разных гласных в *ветός*, *δοτός* и *στατός* обусловлено нормальным развитием по аналогии, то лингвисты, отказывающиеся принимать всерьез оригинальную концепцию праязыка, имеют, видимо, серьезные основания для сомнений. Но эти лингвисты, однако, не учитывают второй возможной здесь точки зрения: греческие формы являются не результатом действия морфологической аналогии, а следствием чередующихся звуковых изменений, выбор которых связан, правда, с морфологическими отношениями, но которые представляют собой тем не менее звуковые изменения, а не просто образования по аналогии в обычном понимании этого термина. Если принять последнюю точку зрения, одно из основных возражений против концепции Семереньи может показаться менее значительным; конечно, остаются другие возражения, причем, они, по-видимому, едва ли менее весомы, чем возражения, выдвигаемые против многих других разновидностей ларингальной теории. Некоторые другие ученые, признающие в принципе ларингальную теорию (например, А. С. Мельничук⁸), также склонны к уменьшению общепринятого числа ларингальных.

Основной точкой для нас послужили две второстепенные проблемы древнеанглийской фонологии, причем если одна из них хорошо известна, то другая еще не получила общего признания. Такие второстепенные проблемы заслуживают изучения в том случае, если они приобретают существенное значение в более широком контексте. Можно полагать, что теория ларингальных является таким более широким контекстом, в котором приведенные выше соображения могут оказаться релевантными.

Перевела с английского И. А. Сизова

---

⁸ А. С. М е л ь н и ч у к, Следы взрывного ларингального в индоевропейских языках, ВЯ, 1960, 3.